

я — только одуванчик беззащитный,
я — зеркало. Смотри не урони!

Не разлюби! Страхусь я этой кары.
Во сне меня зови!
А впрочем, это снятся мне кошмары,
всего лишь наваждения любви.

ТЫ И Я

Если сердце мое наподобье цветка,
припади и дыши его запахом нежным,
а пресытившись, можешь движеньем небрежным
скомкать сердце, и станет пахучей рука.

Если свет предо мною мерцает в ночи,
это ты мою тьму озаряешь слезами,
ибо в каждой слезинке — дрожащее пламя,
ибо слезы твои — как сиянье свечи.

Если вся моя жизнь за решеткой теперь,
все равно только ты ей хозяйка поныне,
и вино нашей радости снова в кувшине,
а для прочих гостей заперта моя дверь.

Но ведь я — это я, но ведь ты — это ты,
небеса и земля — ясных дней покрывало,
но не слиться им даже у общей черты:
ты — сиянье небес, я — зиянье подвала.

РУЧЕЙ, ВЕТКА, ПТИЦА И МЫ С ТОБОЙ

Бил родник из горы, скрытый лиственной тенью,
и бежала струя
через чащи, но вот раздвоилось теченье,
и ушли друг от друга два разных ручья.

Стебель корни пустил, вырос веткой густою,
благодарный судьбе.
Ответвились побеги, покрылись листвою,
стала каждая ветка сама по себе.

Две влюбленные птицы гнездо себе свили,
да случилась беда:
у четы этой дружной гнездо разорили,
и пернатым расстаться пришлось навсегда.

Я постиг эту странную шутку природы,
эту тайную нить
и подумал: какое же чувство ни годы,
ни превратности жизни не могут убить?

Нелегко сознавать, что мы сами похожи
на росток, на ручей
и на птиц, ибо мы разлучаемся тоже,
ибо нет почему-то любви без скорбей.

*Перевел с тагальского
Александр Ревич*

— Здравствуй, бабушка, наконец-то я могу склонить голову к твоим ногам. Еще в детстве родители говорили, что бабушка у меня живет в Паталалоке. Сколько лет я искал тебя и вот сегодня нашел. Если бы ты знала, что мне пришлось испытать: я осиротел, когда был еще совсем маленьким, потом пас овец у чужих людей, а они даже не кормили меня досыта. Ничего, кроме горя, не видел я в своей жизни!

Тут Сингли залился горькими слезами.

— Сколько раз я пытался прийти к тебе, да разве легко найти дорогу в Паталалок! На мое счастье наткнулся я на подземный ход, который и привел меня к твоему дому. Бабушка, я не хочу возвращаться на землю, в Притхибилок. Хоть казни, хоть помилуй, нигуда не пойду из твоего дома!..

И Сингли зарыдал еще громче.

Старуха, конечно, поняла, что гость хитрит и обманывает ее, но не подала виду. Расстелила она перед пришельцем коврик и пригласила сесть — отдохнуть после долгой дороги. Однако Сингли не захотел садиться и остался стоять перед старухой. Тогда Юманаранга принесла чашу сока и сказала:

— На вот, выпей, а то в Паталалоке у нас очень жарко.

Но Сингли отстранил чашу.

— Ну и что же, — сказал он, — мне теперь жить в подземном царстве, так ко всему привыкать надо!

И как ни уговаривала его Юманаранга отведать соку, Сингли к нему даже не притронулся.

Вот так Сингли остался жить в Паталалоке. Он всюду следовал за старухой по пятам. Куда бы она ни шла, чтобы ни

делала, «внук» все время был рядом.

Вскоре он углядел, как Юманаранга приготавливает из корня радости сок и понт им Бунока и Будума.

«Теперь-то я слажу со старухой, — подумал Сингли, — мне бы только разузнать, где она прячет заветный корень».

А Юманаранга, опасаясь пронырливого «внука», стала прятать корень в своих длинных волосах. Только как она ни старалась, ей не удалось скрыть это от глаз Сингли.

Когда хитрый Сингли разгадал старухин секрет, он как-то сказал ей:

— Бабушка, давно уже пора тебе помыться! Давай-ка я вымою тебя! А потом, чтоб не простудиться после горячей бани, надобно выпить немного перебродившего сока. Вот увидишь, он согреет тебя.

Старуха согласилась, только

СИГАРЕТА

Р А С С К А З

ОРХАН КЕМАЛЬ

Турция

А, ЭТО он. Вот уж не ожидал!..

— О-о! Здравствуй!

Все такой же маленький, с острыми зелеными глазками, бегающими по сторонам. А вид кроткий, смиренный — ну истинный и примерный мусульманин.

— Здравствуй, — отвечаю я ему.

Отвечаю, а сам чувствую, будто меня схватили за шиворот и крепко держат, чтобы я не улизнул. Ладно, думаю, что было, то было, кто старое помянет, как говорится...

Много воды утекло с тех пор, как мы учились в одном лицее. Я, правда, в младшем, а он — в старшем классе. И весь лицей знал, что он был любимчиком преподавателя литературы, красивого, как киноартист.

Он всегда первым приносил в лицей новые стихи, романы, рассказы. В праздник национальной независимости его так и тянуло на любую трибуну,

откуда он громыхал рифмами стихов. От него мы узнали многое из поэзии — от Бодлера до Саади из Ширази и Ниязи из Египта. Где надо и где не надо он аттестовал себя настоящим турецким националистом арабско-албанских кровей. Представьте себе коктейль из арабского свободолюбия (былого) и албанского упрямства — это и есть истый турок, турецкий националист!

Я прсмменял лицей на футбол. И этот человек постепенно уплыл из моей памяти. Правда, иногда доходили до меня слухи, один фантастичнее другого. Журналист, чиновник министерства иностранных дел, выполняющий специальные поручения крупнейших политических деятелей Европы, Америки...

И вот однажды среди бела дня он появился передо мной, как фантастическое видение: блистательный и модный с головы до пят. Безукоризненный пробор, умопомрачительные туфли, дорогой костюм, шелковые ноги в красно-зеленую клетку, шелковый галстук в тон ко всему остальному.

— О-о! Здравствуй!

— Здравствуй. Ты что это такой шикарный?

— Ну, это неинтересно. Тут есть недалеко одно местечко. Опрокинем по рюмочке?

Он взял меня под руку. Я был уверен, что ему по карману любой ресторан-люкс. «Тут недалеко одно местечко. Опрокинем по рюмочке?» Нет, так сказать может только преуспевающий человек.

Он повел меня в бар известного отеля. Очень известного. А если признаться, даже очень известного отеля. Это был ночной клуб.

Я сидел в интимном уюте невидимого светильника и стеснялся своего, прямо скажем, не роскошного костюма и несколькодневной щетины.

— Слушай, может, мы зря зашли в такое шикарное место?

— Сиди и помалкивай!

— Хорошо. Но...

сказала, что не даст мыть себе голову. Внук не стал настаивать. После бани Сингли предложил бабушке посидеть на солнышке. Юманаранге очень хотелось погреть старые косточки, и она не смогла удержаться от соблазна — выпила перебродившего соку. Когда она уснула крепким сном, Сингли, не теряя времени, отыскал в волосах хозяйки корень радости и тотчас же пустился в обратный путь.

Проснувшись Юманаранга и не увидев возле себя «внука». Испугалась старуха, кинулась корень радости искать, длинные свои волосы перебирать, прядь за прядью. Да не тут-то было — его и след простыл. Поняла хозяйка Паталалока, что не видать ей больше корня радости, будет им отныне владеть человек. И тогда, рыдая, изрекла старуха Юманаранга проклятье:

— Пусть только одна чаша напитка из корня дарует людям радость. Но если кто выпьет хоть каплей больше, пусть обернется он для того страшным горем!

Теперь хозяйка Паталалока не стала пить соком Бунока и Будума, и они пришли в себя. А когда узнали о том, что корень радости похищен мудрым Сингли, то поспешили вслед за ним.

Вскоре все три министра предстали перед раджей, и Сингли сообщил, что доставил во дворец желанный корень. Тут раджа приказал устроить в честь старого мудрого министра пир. Ведь он не только принес корень радости, но и вызволил из Паталалока двух других министров!

На пиру Сингли приготовил из корня радости напиток и поднес полную чашу радже со словами:

— Саркхар, этот напиток освобождает человека от забот и волнений и дарует ему радость. Но пить его надо всегда в меру! Ибо, выпив без меры, человек познает лишь горе.

После раджи выпили по чаше все его приближенные, и все почувствовали в душе необычайную радость. И тогда одни начали танцевать, другие — петь, третьи — рассказывать смешные истории. А сам повелитель, которого люди раньше никогда не видели веселым, хохотал так, что не в силах был остановиться.

Говорят, с тех пор люди на земле начали пить напитки, которые доставляют им радость. Но стоит кому-нибудь забыть о предупреждении мудрого Сингли, как эта радость оборачивается горем.

Перевел с непали

Л. Аганина и К. Шрестха

— В этом мире есть не только дешевые забега-ловки, запомни. Если человек не знает сам, чего хочет, тут ему и аллах не поможет. Аллах добрый лишь к тем, кто знает, чего ему надо. Разве тебе здесь плохо? Не стесняйся. Ты что, не мой гость?

И пошло. Рюмка за рюмкой, блюдо за блюдом, а закуски такие, каких я в жизни не пробовал. Не успел я подумать леденя, что счет, наверное, перевалил не за одну сотню, как он пригласил к нам двух девушек, которые сидели за соседним столиком. Ну, знаете, таких пестрых, в розовом, зеленом, желтом, голубом, с яркими губами, в украшениях и с весьма изящными манерами. Девушки изредка перешептывались и сотрясали прокуренный воздух довольно хриплым смехом. Я не смел уйти, я боялся даже спросить, зачем он их пригласил. Мне просто было стыдно. Он уплыл в обнимку с девушкой в голубом по волнам алкоголя, сигаретного дыма и томящей музыки. А мне ничего не оставалось, как нежно держать в своих ладонях мягкую лапку девушки в желтом и думать о том, что счет наверняка уже исчисляется многими сотнями. А если ему вздумается провести ночь с этими голубками? А если мы таки это сделаем? А если он смеется, не заплатив?

Я выпил полную рюмку виски и решил, что буду гладить руку, лежащую в моей ладони.

Желтая сказала, что я ей нравлюсь. Несмотря ни на что. Ни на мой костюм. Ни на мою щетину. И вообще на мой вид. Она спросила, что меня беспокоит, заставив нести черт знает какую ахинею. Не помню, почувствовала она мне или нет. Потом она справилась о моей работе. И, конечно, заинтересовалась, нравится ли мне она, девушка, и собираюсь ли я с ней проводить другие вечера. Я не нашел ничего такого, что бы мне в ней не нравилось. И ей нравилась моя фотография. Даже моя подпись, которую я поставил по ее просьбе. Потом, далеко за полночь, я гладил руку уже девушки в голубом. Мы глушили виски и где-то под утро добрались до номера.

А когда я проснулся, рядом со мной не было ни девушки в голубом, ни друга, ни девушки в желтом. Счет?! Вежливый бой сказал, что счет оплачен моим другом, который просил передать мне привет, а сам по срочному делу вылетел не то в Лиссабон, не то в Барселону.

Потребовалось полдня, чтобы я смог очухаться и явиться на службу.

Там меня ждала беседа с шефом. Он с каменным лицом протянул мне фотографию, подаренную мною девице в желтом, и попросил, чтобы «подобные безобразия больше не повторялись», ибо я «не имею права развлекаться, если в кармане нет ни гроша». Кстати, наш ресторанный долг в тысячу двести лир будет погашен ежемесячными вычетами из моего жалованья.

ТУРЕЦКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

Вкус пищи узнают с солью, вкус мира — глазами.

*

В каждой трудности есть легкость.

*

Если время с тобой не ладит — ты поладишь с временем.

* * *

С тех пор прошли годы. И вот я услышал:

— О-о! Здравствуй!

Я спросил:

— Куда ты пригласишь меня на этот раз?

Он пропустил намек мимо ушей.

— С этим покончено. Навсегда. Я тебе должен тысячу двести лир и не забыл долга. Верну при первой же возможности. Ты ведь не знаешь. Я другой. И твердо решил жить честно, пусть на гроши. Зачем втягивать друзей в неприятности? Это не стоит нашей души! Я полностью подчинил свою жизнь желаниям моей матери. Она найдет мне невесту — честную, чистую, кроткую девушку из порядочной семьи. Я незамедлительно женюсь. Знаешь, домашний уют, семья, дети... У меня все это будет. Дорогой мой, я теперь отлично понимаю, что прежде всего и превыше всего — честь, благородство, собственное достоинство, солидное поведение. Жить бесчестно, неблагородно — нет! С этим — все! Верно я говорю?

— ...?

— Мои друзья, пошли аллах им здоровья, подыскали мне место в правлении одной крупной фирмы, очень крупной. Я дал им слово, что со всеми моими похождениями покончено. И они все, как один, поддерживают меня. Ты, разумеется, не захочешь быть в стороне от этого благородного дела. Слушай: я тебе должен тысячу двести лир — так пусть это будет две тысячи двести! Хочешь, я тебе дам чек на две тысячи двести или нет — на три тысячи, а еще лучше, для круглого счета, — на четыре тысячи лир? Потому что это твердо! Понял? И никто, никогда, ни за что не собьет меня с нового пути...

— ...!

— На ту тысячу лир, что ты мне дашь, я куплю хороший костюм, туфли и все прочее. Ты же понимаешь, женитьба, нельзя перед невестой предстать голодранцем...

— Ты прав, но...

Он не дал мне докончить:

— Дорогой, я понимаю. Нет тысячи — можно и пятьсот!

— Ей-богу, и пятисот...

— Ладно, не пятьсот. Триста? Двести? Сколько есть?

— К сожалению, ни трехсот, ни двухсот...

Он помолчал, что-то прикидывая в уме. Потом сказал:

— Погоди. Я и в сотню уложусь. Дай только добраться до Анкары. В Анкаре для меня вопрос денег не существует. Ты же помнишь, там Нежат — ну, Нежат Саглам. Импорт. Богат, живет — люкс... Но ты, впрочем, знаешь, я таких никогда и в грош не ставил. Ладно, главное добраться туда... Дай сотню!

— Но у меня ее нет.

Он рассердился:

— Слушай, дорогой, давай тогда пятьдесят. Хорошо, пусть будет двадцать пять лир.

— ...?

— А десять?

— ...?

— Пять?

— ...?

— Две с половиной?

Он помолчал, вздохнул.

— Ясно, понял. Дай сигарету. Хоть покурю, что ли...

Перевели с турецкого
К. Белова и Ю. Нестеренко

Публикуемый ниже отрывок из книги известного французского востоковеда Андре Миго «Кхмеры» посвящен рассказу о столице Камбоджи XII—XIV веков городе Ангкор-Тхом. В комплекс Ангкора входит и построенный в середине XII века всемирно известный храм Ангкор-Ват.

АНГКОР-ТХОМ, КОРОЛЕВСКИЙ ГОРОД

АНДРЕ МИГО

ТО был громадный город, площадью в 900 гектаров. Каждая из сторон его ограды тянулась почти на три километра. Высота городских стен, сложенных из глыб латерита, составляла восемь метров. Снаружи стены окружал ров, а за ним шла дорога.

По углам крепости стояли четыре небольших храма, посвященные бодисатве¹ Локешваре. Это были небольшие круглые башни с ложными двойными этажами.

Четверо монументальных ворот в городской стене выходили на четыре стороны света. Пятые ворота — Врата Победы выходили на мощеную дорогу, что вела к королевскому дворцу X века. Во времена расцвета Ангкор-Тхома за его стенами находило приют около миллиона жителей — солдат и рабов, торговцев, священников и чиновников, артистов и астрономов, магов и прорицателей, ремесленников и знати, нищих и калек.

Сердцем города была Королевская площадь. Она находилась рядом с храмом Байон, духовным центром столицы. Эта громадная эспланада (550 на 200 метров), над которой высились башни Байона, служила и для проведения официальных церемоний, и для народных гуляний, и для военных парадов. Широкая прямая аллея, вела от Врат Победы к 300-метровой Террасе Слонов, вознесенной над землей на пять метров. Чтобы подняться на нее, нужно было миновать пять площадок, соединенных лестницами, высеченными в каменном монолите. Перед стоящим внизу человеком возникала панорама уходящих вверх миниатюрных террас, подпорные стены которых были украшены величественными рельефами львов и наг²; на центральной платформе правитель принимал почетных гостей, взирая на них

сверху, пока те шествовали по ступеням. А вдоль всей большой террасы, на протяжении 300 метров, красовались великолепные барельефы слонов в натуральную величину в батальных сценах или на королевской охоте.

На севере Террасу Слонов продолжала Терраса Прокаженного Короля. Здесь на рельефах изображены мифические персонажи — девы и асуры³, окруженные женщинами. Эти прекрасно выполненные рельефы — одно из последних значительных произведений кхмерского искусства в области скульптуры.

Что же касается «прокаженного короля», статуя которого дала название террасе, то это, как сейчас стало известно, вовсе не король и не прокаженный, а судья из ада: во времена Ангкора терраса служила местом для кремации умерших. И вообще эта статуя, в которой иные исследователи склонны были видеть шедевр кхмерского искусства, — работы очень средней. Изображаемый персонаж сидит «по-явански», в позе «королевского отдыха», правое колено поднято. Интересна скульптура только тем, что это единственное в Ангкоре изображение нагого человека — правда, без гениталий.

Душа Ангкор-Тхома, Байон, помещается в геометрическом центре города, на стыке двух осевых аллей, пересекающих его с севера на юг и с востока на запад. И если Ангкор-Ват является бесспорным шедевром архитектуры Ангкора в силу безупречности своего воплощения, гармонии форм, воздушной стройности башен — словом, всей своей классической красоты, то Байон излучает какое-то колдовское обаяние, быть может, именно благодаря своему несовершенству. Никому не избежать его мистического очарования, оно везде в развалинах башен, в лабиринтах дворов и террас, в аллеях с их таинственным полумраком, в этих скульптурах, бесчисленных

¹ Бодисатва — у буддистов подвижник, достигший просветления, но отказавшийся от нирваны во имя любви к людям.

² Нага — племя змей в кхмерской мифологии.

³ Девы и асуры — по представлениям индуистов обитательницы рая.